

«ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ГАДЖЕТОВ –

САМАЯ РАСПРОСТРАНЕННАЯ
ПРЕТЕНЗИЯ МАМ К ДЕТЯМ»

Чем сегодня живут современные дети и подростки? Какие их самые главные страхи? Как и где они проводят досуг? И чем они действительно занимаются в интернете? Об этом и многом другом мы поговорили с Мариной Пикуневой, директором по специальным исследованиям компании Mediascope.

— Давайте в целом поговорим о том, почему для исследования была взята именно тема жизненных ценностей современных детей и подростков. Кто принимал в нем участие, какого возраста дети, какие регионы?

— Для начала мне бы хотелось немного рассказать о компании Mediascore. Наша компания существует на российском рынке исследований уже почти 30 лет и специализируется на медиаизмерениях. То есть мы изучаем, как россияне смотрят,

слушают, читают, используют информационный, развлекательный или любой другой контент, который нам предлагают телевидение, интернет, радио или пресса. Помимо этого, мы изучаем потребительские предпочтения россиян и проводим другие исследования, одним из которых и стал проект Kids&Teens.

Чтобы изучить жизненные ценности и специфику медиапотребления детей и подростков, мы сосредоточились на группе: жители средних и крупных городов (население от 100 000 человек) в возрасте 4–17

лет. То есть мы не изучали сельскую местность и малые города. Размер этой группы, по данным Росстата, около 11,5 млн человек. Первая волна исследования прошла в ноябре-декабре 2022 года, вторая — в апреле-мае 2023-го.

Обычно Mediascope применяет в своих исследованиях современные технологии: устройства, мобильные приложения и др. Но конкретно это исследование сделано классическими опросными методами именно потому, что мы захотели не просто посмотреть, как дети ведут себя в интернете, — это как раз можно сделать с помощью технологических инструментов, — мы захотели узнать их мнения, ценности, жизненные ориентации. А для этого с людьми нужно разговаривать. Мы провели несколько десятков глубинных интервью (что-то вроде собеседования), чтобы выявить важные моменты, и больше 4500 формализованных онлайн-интервью, чтобы эти моменты оцифровать. По ключевым параметрам (пол, возраст и др.) пропорции выборки совпадали с пропорциями всей группы в населении, поэтому мы имеем право распространить наши выводы об опрошенных на всю группу.

Подростки 12–17 лет давали интервью и заполняли анкеты самостоятельно, дети 9–11 лет на часть

вопросов отвечали сами (мнения, предпочтения), часть ответов давали их мамы (например, вопросы о доходе, бюджете времени и др.). За детей 4–8 лет на вопросы отвечали мамы, но мы просили их советоваться с сыновьями и дочерьми. А еще все мамы отвечали на отдельные вопросы для родителей. Кроме того, мы разговаривали с детскими психологами, наблюдения которых помогли нам сформировать ряд гипотез.

— Какие результаты для вас были неожиданными по итогам исследования, а какие вы в принципе ожидали и почему?

— Возможно, главный вывод исследования — мамы и дети смотрят на мир разными глазами — звучит как «Капитан Очевидность». Но одно дело, когда понимаешь это из личного опыта, а другое — когда видишь цифры, которые это подтверждают. Мы изучали мам и детей из одной семьи, задавали им одни и те же вопросы и получали существенно различающиеся ответы.

Например, на вопрос «Когда вы в последний раз болтали с ребенком о пустяках?» подавляющее большинство мам отвечают, что буквально вчера, а довольно заметная часть детей говорит, что это было не вчера и даже не на этой неделе, а еще раньше. В ответах на вопрос «А ко-

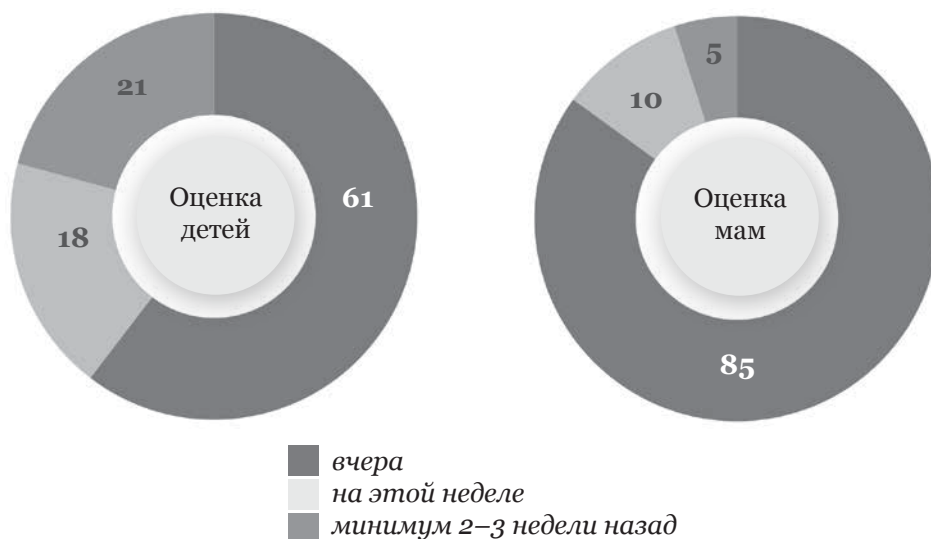
35% современных детей в возрасте от 9 до 17 лет уже считают, что в их жизни слишком много стресса.

гда вы в последний раз говорили о чем-то важном, серьезном?» разрыв в ответах еще больше. То есть мамам кажется, что они с детьми активно общаются и поддерживают контакт, а детям — что им этого общения не-
 додают (см. рис. 1).

Родителям вообще часто кажется, что они уже не интересны детям, особенно если речь о старшеклас-
 сниках. Но и психологи говорят, и результаты опроса показывают, что и в 15–17 лет мальчики и девочки все еще нуждаются в любви и поддержке

Рисунок 1. Общение с детьми

Как давно дети 14–17 лет и их мамы болтали о пустяках, %?

Как давно дети 14–17 лет и их мамы говорили о чем-то важном и серьезном, %?

мам и пап. К примеру, если произойдут какие-то серьезные проблемы, то 89% детей 9–13 лет пойдут за помощью к родителям, и только 20% — к близким друзьям. В возрасте 14–17 лет к друзьям обратятся уже 40%, но остальные все равно попросят совета или помощи у родителей.

Желание быть с родителями возникает у детей не только когда им плохо. Мы попросили мам и детей нарисовать картину идеального выходного дня. Хорошая новость — только 6% подростков считают, что идеальный выходной — это день без родителей. Плохая новость заключается в том, что желания мам и детей радикально не совпадают. Дети хотели бы вместе пойти к кино, за бургерами или в парк аттракционов, а мамы мечтают, что подросшие дети помогут им убраться в доме, постирать и приготовить обед, после чего они вместе посмотрят телевизор. В этом смысле очень показательно отношение к видеоиграм. Только небольшой процент подростков хотели бы сыграть в игры с родителями, но готовых на это мам в три раза меньше! А ведь игры — это один из самых любимых подростками форматов, и желание разделить игру с мамой или папой — это, по сути, приглашение в свой мир... который

взрослые оказались не готовы принять (см. рис. 2).

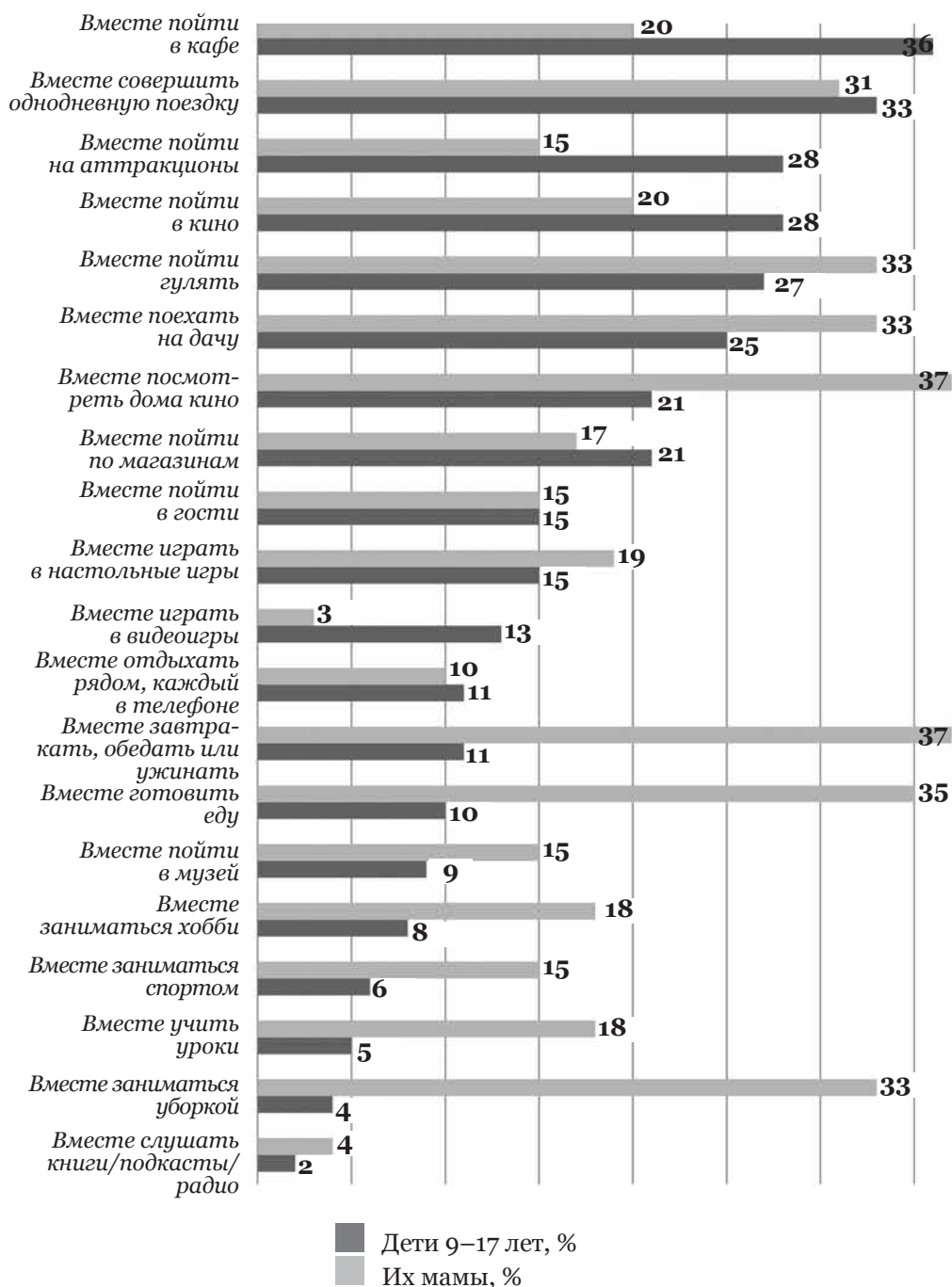
— Вы нашли какую-то разницу в ответах между детьми из разных регионов? Были какие-то вопросы, где разрыв по регионам был особенно велик? Или, может быть, на один и тот же вопрос по-разному отвечали подростки разных возрастов?

— Самые яркие отличия, безусловно, мы видим между разными возрастными группами. Местами выплывает разница между мальчиками и девочками. Например, отличается возраст, в котором планируют завести собственную семью. Традиционно девочки хотят выйти замуж раньше, чем мальчики жениться.

Что касается отдельных регионов, то каких-то ярких трендов мы не увидели. Ярче выражена разница между мегаполисами и менее крупными городами. Так, у детей, которые живут в крупных городах, больше возможностей с точки зрения проведения досуга. Хотя самый распространенный досуг у детей — это развлечения дешевые или вовсе бесплатные: кино, фастфуд-заведения, парки, торговые центры (не покупать, а поглазеть). А это доступно повсеместно. Чем круп-

Хотя трудно отрицать реальность исходящих из Сети угроз, часто интернет является удобным объяснением любых неудач В Воспитании ребенка и универсальным Врагом, с которым надо бороться.

Рисунок 2. Дети и родители: идеальный выходной.
Чем хотели бы заняться вместе в идеальный выходной день

нее город, тем больше детей ходят в кружки или секции (см. рис. 3). Старшеклассники в Москве чаще меняют школу. А у подростков 12–17 лет в регионах больше опыта в подработке, чем у их московских сверстников (47% против 37%).

Дети из крупных городов, как правило, раньше улавливают современные тренды. И все-таки развитие подростков очень сильно определяется интернетом, а он в этом смысле демократичен. Поэтому говорить, что сейчас подросток, который живет в каком-то отдаленном городе с населением 200 000 человек, радикально отличается от подростка из центра Москвы, я бы не стала.

— Вы можете назвать топ-3 ключевых проблем, которые выявило ваше исследование именно с точки зрения воспитания, может быть, образования...

— Я бы, наверное, отметила, что это в первую очередь вопрос поиска понимания и наведения мостов между взрослыми и детьми. В нашем исследовании мы попросили мам самостоятельно подобрать два-три определения, которые, с их точки зрения, лучше всего описывают современных подростков. К сожалению, количество отрицательных

определений оказалось ощутимо больше, то есть ругают детей чаще, чем хвалят. Ругают в основном за зависимость от интернета, безответственность, лень и инфантильность, неуважение старших и плохое воспитание.

При этом безответственность, лень и инфантильность во многом проистекают от того, что современные родители гиперопекают и балуют детей. С одной стороны, мы живем в эпоху больших перемен, а это всегда дестабилизирует общество, и взрослые всерьез опасаются за физическую безопасность ребенка. С другой стороны, мамы детей от 4 до 17 лет сами росли или во времена советского дефицита 80-х, или в сложные 90-е годы. И теперь они хотят дать своим детям то, чего сами были лишены. Дети не только сыты и одеты-обуты, у них есть собственные комнаты или детские, которые они делят с братьями и сестрами, они путешествуют по России, проводят каникулы на море, занимаются в платных секциях или кружках (см. рис. 4). При этом дети избавлены от очень многих бытовых задач. Около 31% детей 6–17 лет не имеют домашних обязанностей либо пренебрегают ими. Примерно 58% младших школьников никогда не остаются дома одни. Обеспеченные родители нанимают уборщиц,

Взрослые на то и взрослые, чтобы сделать первый шаг навстречу ребенку и попытаться его просто понять.

Рисунок 3. Занимаются в кружках, секциях, на развивающих занятиях, %

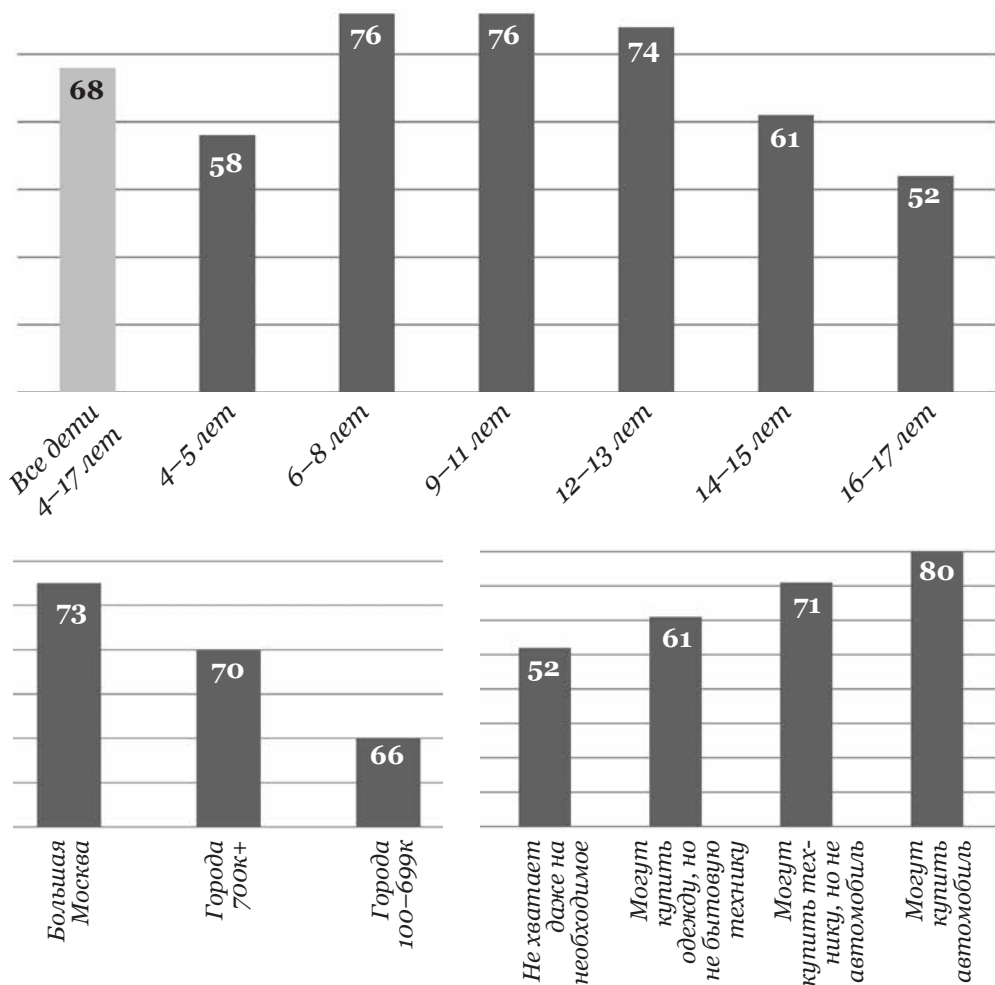

Рисунок 4. Гиперопека, или «мы такими не были»

42% детей 14–17 лет	58% младших школьников	45% мам детей 14–17 лет	31% детей 6–17 лет	15% школьников
Занимаются с репетиторами	Никогда не остаются дома одни	Постоянно или время от времени пытаются контролировать потребление ими контента	Либо не имеют домашних обязанностей, либо их игнорируют	Родители подвозят до школы на машине

нянь, репетиторов, которые делают за ребенка его дело. И получается, что ребенок растет в очень комфортной, обеспеченной, защищенной среде. Но в этом коконе у него нет никакой мотивации принимать самостоятельные решения, а если она и появляется, ее отбирают родители. В результате, когда такие дети вырастают, взрослые ожидают от них самостоятельности и поддержки, но видят ту самую беспомощность и безответственность.

Еще один момент, который для меня лично оказался неожиданностью, это распространенность детских страхов. Я думаю, что родители, будучи детьми, вряд ли употребляли слово «стресс», а вот 35% современных детей в возрасте от 9 до 17 лет уже считают, что в их жизни слишком много стресса. Страхи детей вызваны разными причинами: той самой нестабильностью в обществе, информационной повесткой в СМИ, проблемами родителей. Дети могут не понимать, чего именно боятся родители, но они чувствуют тревогу (см. рис. 5). Причем есть общие страхи, которые выражены у детей независимо от возраста или пола, например страх перед экзаменами. Дети начинают бояться экзаменов уже в 9–10 лет, задолго до того, как их сдавать! Мне кажется, взрослые недооценивают, насколько сильно их собственные страхи отражаются детьми. Среди родителей старшеклассников нет никого, кто сам бы сдавал ЕГЭ, у них нет личного опыта, если только они не прошли его со старшими детьми. И когда родители начинают что-то говорить про ЕГЭ, то зачастую они опираются на слова

учителей, для которых высокий балл ЕГЭ — это вопрос престижа учебного заведения.

А для детей несданные экзамены — один из самых сильных страхов. В среднем трое из четырех школьников 12–17 лет после выпускного собираются продолжить обучение (см. рис. 6). Их жизненный опыт ограничен школой, квинтэссенцией которой является ЕГЭ. Поэтому детям кажется, что провал ЕГЭ поставит крест на всей их дальнейшей судьбе, что они разочаруют и родителей, и учителей своей непригодностью. Страх перед ЕГЭ настолько силен, что появилась новая, но уже достаточно распространенная причина поступать в колледж: после колледжа можно попасть в вуз, минуя ЕГЭ.

И еще одна проблема, к которой мне хочется привлечь внимание, — это зависимость от интернета и всевозможных гаджетов. Это самая распространенная претензия мам к детям. С раннего возраста у детей есть богатый выбор устройств для потребления аудио- или визуального контента. Детские комнаты оснащены телевизорами (причем чаще с выходом в интернет, чем без), у школьников есть собственные ноутбуки и доступ к стационарным компьютерам родителей. Начиная со школьного возраста основным устройством становится смартфон. Дошкольники, у которых нет своего гаджета, почти всегда могут попросить попользоваться телефоном у родителей (см. рис. 7).

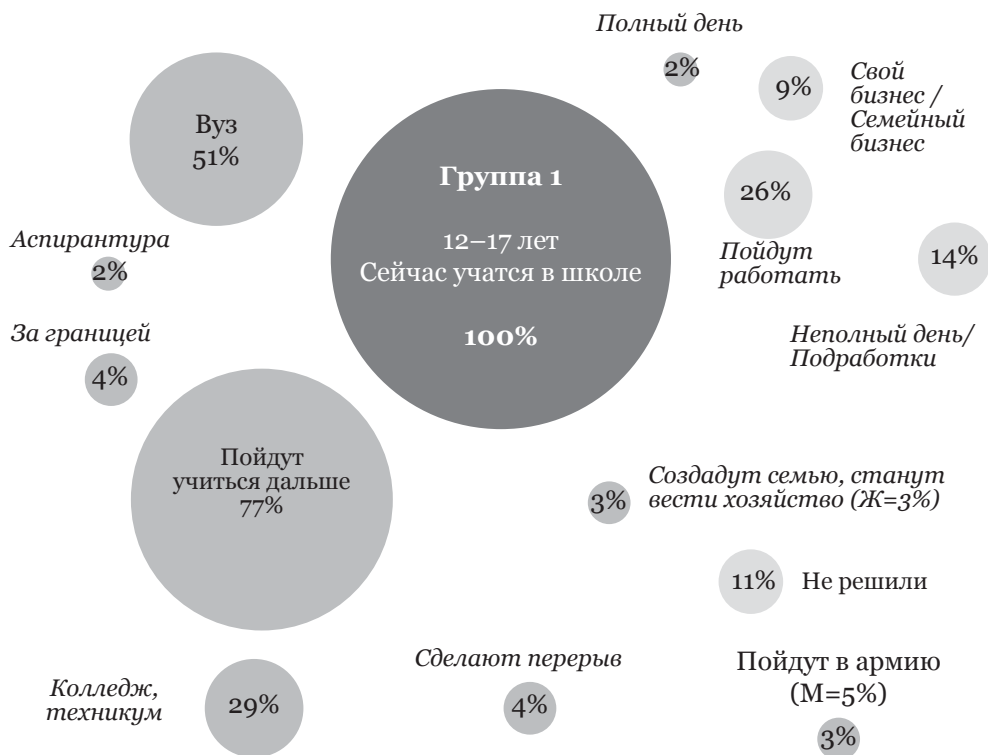
Надо сказать, что виртуальная реальность — это единственное серьезное отличие, которое привносит классическую проблему отцов и де-

Рисунок 5. Чего боятся дети, % детей 9–17 лет

тей в XXI век. Хотя трудно отрицать реальность исходящих из Сети угроз, часто интернет является удобным объяснением любых неудач в вос-

питании ребенка и универсальным врагом, с которым надо бороться. Форма такой борьбы — родительский контроль за поведением ребенка в

Рисунок 6. Планы после школы: учиться или работать?
В % от школьников 12–17 лет

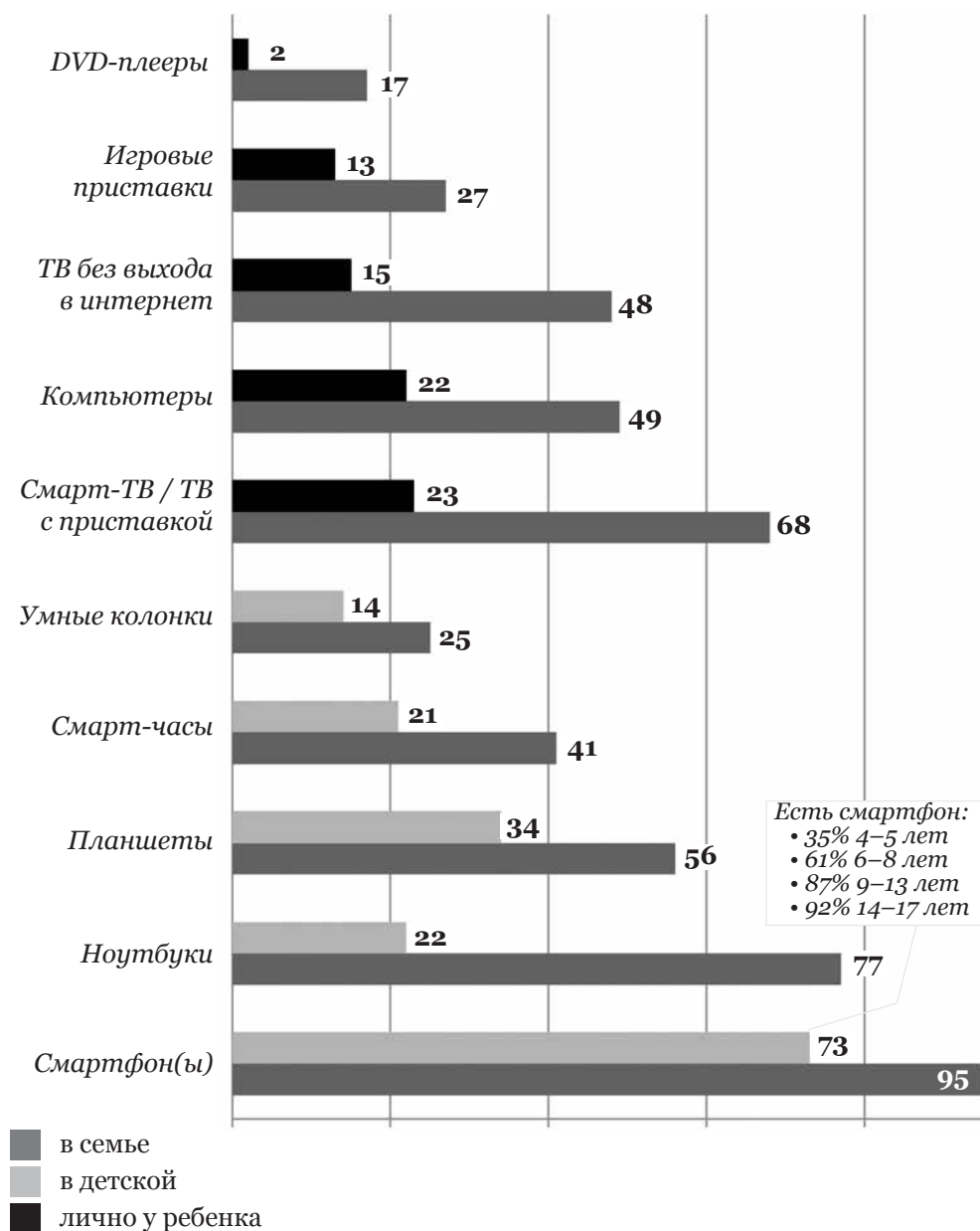
интернете, эффективный в основном с дошкольниками и младшими школьниками.

Но если родители обычно воспринимают погружение детей в виртуальный мир как зло, то для детей интернет — просто часть жизни, неотъемлемая от реальности. Разговаривая с нами, дети часто подчеркивали, что родители и учителя не понимают, что в интернете можно найти много интересного и полезного, в том числе для учебы. Так, 21% детей от 9 до 17 лет смотрят в интернете познавательные и образовательные видеоблоги. Они могут это делать, чтобы разобраться

в сложном материале или чтобы узнать что-то за пределами школьной программы. Блогеры рассказывают понятнее, чем учителя, в привычном видеоформате, используя яркие примеры и компьютерные спецэффекты, а запись можно просмотреть несколько раз.

В заключение хочу сказать, что среди положительных определений, которые мамы давали современным детям, очень часто звучали слова: умные, продвинутые, любознательные, сообразительные. Так что дело не в том, что родители плохие или дети плохие, а в том, что установки, жизненный опыт и отношение к совре-

Рисунок 7. Устройства, доступные детям 4–17 лет

менному миру у детей и родителей настолько разные, что они друг друга часто не слышат. Но взрослые на то и взрослые, чтобы сделать первый шаг

навстречу ребенку и попытаться его просто понять.

Интервью провела
Екатерина Терешатова ■